

объяснение, которое исходит из хорошо известной логикам обратной зависимости между содержанием понятия и его объемом: чем больше объем, тем беднее содержание, и наоборот. Похвальная ода содержательно намного богаче эпиграммы, и это делает ее теснее связанной с историческим и культурным контекстом: не отдельные одилические мотивы и формулы, а все стихотворение целиком перенести на чужую почву и применить в иных исторических условиях очень трудно, практически невозможно. Эпиграмма же строится так, что ее потенциальная применимость оказывается чрезвычайно широкой: даже будучи исходно привязанной к определенному лицу или событию, она легко отделяется от породившей ситуации и начинает мигрировать во времени и пространстве (иллюстрации читатель найдет ниже).

В эпиграмме логическая структура оказывается важнее ее словесного заполнения. Поясним это на пушкинском примере (1830):

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» —
«Помилуй, — возопил глухой тому в ответ: —
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

Как известно, Пушкин пробовал и другие варианты финала, но сути дела это не меняло:

Судья решил: Почто ж идти вам брат на брата:
Не тот и не другой, а девка виновата.

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 232; 1949, 11: 166)

Точно так же на соль эпиграммы существенно не повлияли бы радикальные изменения во взаимных претензиях обоих участников тяжбы. В этом нетрудно убедиться, обратившись к «прототексту» пушкинской эпиграммы — к стихотворению Никарха из Греческой антологии (Anth. Palat. 11.251):

Δυσκώφω δύσκωφος ἔκρινετο, καὶ πολὺ μᾶλλον
ἡν ὁ κριτής τούτων τῶν δύο κωφότερος.
Ὦν δὲ μὲν ἀντέλεγεν τὸ ἐνοίκιον αὐτὸν ὀφεῖλειν
μηνῶν πένθ', δὲ ἔφη νυκτὸς ἀληγεκέναι.
Ἐμβλέψας δὲ αὐτοῖς ὁ κριτής λέγει: Ἐξ τί μάχεσθε;
μῆτηρ ἔσθ' ὑμῶν ἀμφότεροι τρέφετε.

У этой эпиграммы Джеймс Хаттон насчитал шесть французских переводов XVI—XVIII вв., причем один из них, как раз тот самый, ко-